

«НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ НАСИЛИЕМ»: О ХАРАКТЕРЕ АКТИВИЗМА РОССИЙСКИХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Н.К. Радина

В статье обсуждаются характеристики активности российских негосударственных некоммерческих организаций (НКО). В качестве одного из ведущих критериев при оценке активности НКО предлагается использовать отказ от насилия. Отмечается, что активность современных российских ГОНГО (государством организованные негосударственные организации) характеризуется использованием технологий насилия в достижении целей организации.

Ключевые слова: постсоветское гражданское общество, российские негосударственные некоммерческие организации (НКО), ГОНГО (GONGO)

В последние годы, в период президентства Д.А. Медведева, изменилось направление дискуссий относительно гражданского общества в России. Еще недавно представители службы государственной безопасности высказывали опасения относительно намерений российских негосударственных организаций, сомневаясь в их благонадежности и патриотичности [Патрушев, 2005], а теперь государство выделяет гранты и выражает заинтересованность в развитии гражданского общества [Гранты ждут... 2010]. Инициативные группы, представители политических партий и негосударственных организаций все чаще становятся «ньюсмейкерами», оказываются в центре внимания средств массовой информации, многие из них (а не только политики – лидеры) благодаря СМИ становятся узнаваемыми, по-настоящему публичными.

Российская общественность, по крайней мере, та ее часть, что хотя бы иногда следит за новостями, теперь не сможет ответить на вопросы социологов, что ничего не знает о негосударственных организациях, как было ранее [Якимец, 2000]. Однако негосударственные организации

и инициативные группы все чаще оказываются в центре тревожных новостей. Среди наиболее ярких последних – события в Химках (защита инициативной группой экологов химкинского леса от вырубки) [Нападение на мэрию... 2010]. Поначалу в СМИ инициативная группа, защищающая лес, выглядела как «безобидные экологи», однако позднее прошли сообщения, что «защитники химкинского леса» в знак протеста забросали камнями здание администрации города Химки, более всего причинив вред городскому музею, находившемуся в том же здании:

Вчера вечером порядка 300 антифашистов, левых активистов и экологов прошли маршем по городу Химки, дойдя до здания администрации города. <...> Подойдя к зданию администрации города Химки, колонна из 300 человек остановилась, продолжая при этом скандировать: «Остановим вырубку леса!». В здание полетели петарды и дымовые шашки, были разбиты окна, велась стрельба из травматических пистолетов в воздух. <...> По пути колонна встретила несколько милицеских машин, которые тут же были забросаны камнями, бутылками и фаерами. Милиционеры в страхе уехали в подворотни [Химкинский лес... 2010].

При этом гранты, которые из рук государства щедро получают негосударственные организации, по признанию самих активистов НКО, оказываются «в чужих руках» [Фальшивые правозащитники... 2010]. Определенно на пространстве гражданского общества появились новые игроки, которых не считают своими прежние негосударственные некоммерческие организации, но для внешнего взгляда (для журналистов, например) они и есть самое что ни на есть гражданское общество в его конкретном проявлении. Тем самым в исследовательском поле гражданского общества появились новые темы, и одна из наиболее «горячих» – идентификация новых акторов, которые позиционируют себя как негосударственные организации или общественные движения, однако, строго говоря, не являются теми, за кого себя выдают.

Контекст анализа – гражданское общество

В настоящее время называют две «версии» гражданского общества, имеющие прямое отношение к классическим концепциям. В контексте первой из них гражданское общество рассматривается как некая социальная целостность, интегрирующая в той или иной степени и государственные структуры; вторая версия представляет гражданское общество как совокупность структур независимых от государства [Christenson, 1997; Рихтер, 2004]. Эта версия, именуемая гегельянской, оказала огромное влияние на различные направления социалистической теории (концепции гражданского общества Маркса и Прудона). И Гегель, и Маркс рассматривали государство и государственный контроль как важнейшие орудия

трансформации гражданского общества: в гегелевском варианте – путем синтеза системы социальной этики с монархией, в марковом – путем социальной революции и диктатуры, цель которых – создание безгосударственного коммунистического сообщества. И в концепции Гегеля, и в концепции Маркса была по-своему переработана традиция утопической и романтической критики капитализма, обе до сих пор питают различные версии политического и философского радикализма [Гуторов, 2001].

Вторая трактовка уходит корнями в философию Канта, идеи шотландского Просвещения, наследие французской революции, философию Гоббса и Локка, использует различные варианты классического либерализма XIX века. Особенно популярной считается англо-американская версия этой концепции, в рамках которой гражданское общество рассматривается как саморегулирующаяся сфера, высший охранитель индивидуальных прав и свобод, которые необходимо защищать от постоянных угроз вторжения со стороны государства.

Однако идея гражданского общества предстает не только как философская нормативная концепция и аналитический инструмент для описания и интерпретации демократических форм социальной организации на макро- и микроуровнях, но также вне четких теоретических ориентиров, как лозунг различных общественных движений и партий, представление о некоем идеальном общественном порядке [Кока, 2003].

Для гражданского общества характерны три особенности: множество центров социальной власти (социальных объединений для реализации целей граждан); относительная независимость этих центров социальной власти; чувство гражданской ответственности, а также цивилизованное поведение и активная гражданская позиция субъектов гражданского общества. Таким образом, в определении «гражданского общества» объединились нормативные и дескриптивно-аналитические смысловые пласты, а само «гражданское общество» определяется и как тип социального действия, и как область, расположенная на стыке экономики, государства и сферы частной жизни [Салменниemi, 2009].

К институтам гражданского общества относят в общей формулировке всю совокупность негосударственных институтов и самоорганизующихся посреднических групп, способных к организованным и ответственным коллективным действиям в защиту общественно значимых интересов в рамках заранее установленных правил гражданского или правового характера, упоминая при этом не только негосударственные некоммерческие организации, но также политические партии, профсоюзы, общественные неправительственные организации, прессу [См., например, Закирова, 2008; Крашенинникова, 2009; Мерсиянова, 2009]. В данной статье центральное место в анализе институтов гражданского общества занимают негосударственные организации, которые объединяют «низовую инициативу» в ее классическом самоорганизующемся виде.

«Добро должно быть с кулаками»?

Одним из важных объектов анализа деятельности традиционных и новых действующих лиц в пространстве гражданского общества я считаю специфику активности этих акторов, а именно используемые технологии в деятельности НКО. Впервые эта идея была опробована на материале негосударственных организаций, чья деятельность фокусировалась на проблемах мигрантов и взаимодействия различных этнических групп [Радина, 2007].

В качестве теоретического конструкта для изучения характеристик активности была использована классификация форм дискурса мультикультурализма, реализуемая в деятельности неправительственных организаций в США, на которую опирается в своих работах Владимир Малахов. Он называет три составляющие: форму моралистского дискурса (его поддерживают неправительственные организации, ориентированные на мирное существование различных этнических и религиозных сообществ), форму постмодернистского дискурса (данный тип продвигают интеллектуалы из университетской среды и СМИ, здесь царит риторика различия и инакости) и форму фундаменталистского дискурса (данный тип представляют активисты этнических меньшинств, пренебрегающие нормами современной либеральной демократии, ориентированные на насилие, прикрытие господства одной группы над всеми остальными) [Малахов, 2001].

При анализе деятельности российских негосударственных организаций, в классификации В. Малахова, мной была оставлена «бинарная оппозиция» моралистский / фундаменталистский дискурс, поскольку постмодернистский дискурс различия, представленный в российском обществе во многом благодаря трудам исследовательских НКО (Московский центр гендерных исследований, Центр независимых социологических исследований, Центр социальной политики и гендерных исследований и другие), захватывает локальные пространства, активисты гражданского общества оказываются разделенными с исследователями [См. об этом подробнее, например: Воронина, 2008]. Таким образом, сравнивая технологии активности различных негосударственных организаций, ориентированных на мигрантов, я опиралась на противопоставление организаций моралистского дискурса (позиционируют себя как ориентированные на сосуществование, взаимодействие, признание прав другого) и организаций фундаменталистского дискурса (позиционируют себя как ориентированные на доминирование, не готовы признавать права других).

Основным материалом для анализа выступили факты, представленные в «Обзорном докладе Московского бюро по правам человека» за 2004 год [Чарный, 2005], официальные сайты различных негосударственных организаций, электронные СМИ, материалы научно-практических семинаров и конференций, посвященных деятельности НКО. В качестве

«технологий активности» были рассмотрены все способы, посредством которых организации осуществляют свою деятельность. При этом одна из важнейших задач в процессе анализа способов активности различных организаций, ориентированных на мигрантов, – описание всего веера технологий, идентифицированных в представленных документах [Подробнее см.: Радина, 2007].

Все выявленные способы активности различных организаций в границах конструкта моралистский дискурс – фундаменталистский дискурс гражданского общества были сведены в табл. 1.

Таблица 1

**Сравнительный анализ технологий негосударственных
 организаций, ориентированных на мигрантов**

<i>Способы активности</i>	<i>Представители «моралистского дискурса»</i>	<i>Представители «фундаменталистского дискурса»</i>
<i>Взаимодействие с властью</i>		
Контроль за государственными органами	Инициация судебных разбирательств для возвращения статуса «вынужденный переселенец»	–
Влияние на государственную политику	Адаптируют мигрантов и их семьи, снимая социальную напряженность, осуществляют запросы в государственные инстанции в поддержку мигрантов	Поддерживая ксенофобные настроения в обществе, косвенно влияют на ужесточение миграционной политики и ухудшение положения мигрантов
Обеспечение обратной связи	Создание «общественных палат» для информирования о проблемах мигрантов	–
<i>Взаимодействие в границах гражданского общества</i>		
Информационное воздействие	Проведение конференций и семинаров, освещаемых в СМИ	Распространение информационных материалов, издание специальной литературы
Символические действия угрожающего характера	–	Разрушение ценностного пространства: осквернение могил и памятников, взламывание Интернет-сайтов правозащитных организаций, деструктивное переосмысление исторического наследия
Акции и шествия	Антифашистские акции и шествия	Пикеты, митинги, демонстрации

Окончание таблицы 1

<i>Способы активности</i>	<i>Представители «моралистского дискурса»</i>	<i>Представители «фундаменталистского дискурса»</i>
Укрепление единства (создание коалиций и т.п.)	Создание социальных сетей организаций, осуществляющих помощь мигрантам	Проведение совместных националистических акций (шестивий, митингов): см. «Правый марш»
Образовательные технологии	Создание федеральной образовательной программы «Толерантность»	
«Помогающие технологии»	«Горячие линии», социальная и гуманитарная помощь	–
Использование компьютерных технологий в деятельности	Создание сайтов и дистанционных образовательных программ по толерантности	Создание профашистских сайтов
«Культурные» технологии	Дни и фестивали «национальных культур», культурные акции	–

Нетрудно заметить, что организации, представляющие моралистский дискурс гражданского общества, выглядят достаточно безобидно: они просят (как правило, власть о чем-либо), информируют, адаптируют, образуют, «окультуривают», вступают в соглашения. Организации фундаменталистского дискурса – действуют: угрожают, бьют, разрушают, «взламывают». На первый взгляд деятельность «моралистских» организаций выглядит как реактивная (часто идет по следам разрушений, произведенных «фундаменталистскими», они реагируют на активность, а не диктуют свое) и даже как беспомощная. Вне философского контекста подобная беспомощность может раздражать, а сами негосударственные организации моралистского дискурса гражданского общества могут казаться лишними в обществе, которое не могут по-настоящему защитить и сами становятся жертвами.

Несколько десятилетий назад В. Лефевр, объясняя, как функционирует тоталитарное общество, ввел понятия общества «второй» и «первой» этических систем, представив философские идеи в виде детских историй о бумажных рыцарях, которые защищали свои бумажные царства, размахивая мечом, или защищаясь словом и переговорами [Шрейдер, 1990]. Тоталитарное общество, по В. Лефевру, является носителем второй этической системы, где смешивается добро и зло (защищают мечом), и, кажется, судьбы тоталитарных систем даны нам в опыте собственной жизни для того, чтобы выбор в пользу «беспомощного добра»

осуществлялся нами почти что автоматически. Еще более определенно проблему совмещения «кулаков» и «добра» можно обсудить, вспомнив соревнование молодых поэтов на лучшее продолжение строчки советского поэта Михаила Светлова «Добро должно быть с кулаками» [См.: Евтушенко, 1995], также поддержанное и современными поэтами [Багрецов, 2002]:

Добро должно быть с кулаками
С хвостом и острыми рогами
С копытами и бородой.
<...>

Тебе, читатель мой капризный,
Носитель духа гуманизма,
Желаю я Добра – и пусть
При встрече с ним мой стих ты вспомнишь
И вот тогда глухую полночь
Прорежет дикий крик: «На помощь!»
А дальше – чавканье и хруст...

Вечная дилемма (сопротивляться ли злу?) для негосударственных организаций моралистского дискурса гражданского общества решается однозначно: сопротивляться. Однако сопротивляться особым образом (не смешивая добро и зло) – сопротивляться ненасилием. Поэтому когда экологи из инициативной группы, защищая химкинский лес, по словам журналистов, разбивают палатки в лесу и ожидают переговоров – эта информация не вызывает подозрений (цели и средства правозащитной деятельности вполне согласованы). А вот новость о том, что те же экологи напали на администрацию города Химки, – нуждается в проверке, при этом сами участники и наблюдатели «химкинского противостояния» подобную информацию считают провокацией:

Вчерашний погром – провокация, это всем ясно. <...> Не суть важно, кто эти ребята – курсанты военных училищ, или зрелые силовики младших офицерских званий. Важно, что шли по городу и действовали они как военизированная колонна обученных людей. И наняли их, чтобы, обострив ситуацию до крайности <...>, вынудить тех, кто сидит совсем высоко, разрулить ситуацию в нужную сторону [Химкинский лес... 2010].

Критерий использования технологий ненасилия в деятельности НКО я предлагаю считать маркером в идентификации подлинности акторов гражданского общества: если НКО практикует технологии насильственных действий в отношении кого-либо, наиболее вероятно эта организация создана, не будучи ориентированной на ценности гражданского общества, следовательно, не может быть его частью. Более того, складывается впечатление, что хорошо организованная, искусно управ-

ляемая организация, финансово обеспеченная и ориентированная на эффективный PR, определенно является «не настоящей», симулякр¹ гражданского общества, призванного решать совсем иные задачи.

Политтехнологи, ГОНГО и «повороты рек»

Так кто же такие – новые акторы на карте российского гражданского общества? Негосударственные некоммерческие организации в экономических определениях представлены как организации, прибыль от деятельности которых может пойти только на уставные цели и не может быть распределена между учредителями организации. Если данных новых акторов оценивать посредством этого определения и при этом как прибыль рассматривать не столько финансовые, сколько социальные бонусы, новых акторов следует отнести скорее к сфере политического бизнеса: в социальных бонусах, которые приносит их деятельность, нуждаются учредители данных организаций (они их и используют).

Логично предположить, что любая финансово обеспеченная и заинтересованная группа, нуждающаяся в повышении собственной социальной значимости, может добиться признания не только при помощи благотворительности, но и выставляя новых акторов в поле гражданского общества. В этой же логике создаются ГОНГО², использующие положительный имидж «старых НКО», управляемые государством и финансируемые приближенным к государству бизнесом. Среди российских ГОНГО, кроме «кремлевских молодежных движений» («Наши», «Молодая гвардия»), журналисты также называют новые правозащитные организации, созданные государством, например «Сопrotивление» [Мухамедьярова, 2005]. ГОНГО знакомы нам и по советской истории. Так, создание ряда всероссийских общественных организаций, ориентированных на помощь инвалидам (вне правозащитного контекста), было инициировано советским государством [Фрелих, 2010].

В последние годы подобные организации конструируются так, как новые фирмы в сфере бизнеса, у них выверенный менеджмент, грамотные юристы и перманентная готовность к бою – на улице или в зале суда [«Наши» судят французов... 2010]. Молодежное движение «Наши» зна-

¹ Симулякр, по Бодрийяру: 1) образ-знак отражает основу-реальность; 2) образ-знак скрывает и извращает основу-реальность; 3) образ-знак отмечает отсутствие основы-реальности; 4) образ-знак не имеет никакого отношения к какой бы то ни было реальности – остается чистая видимость, подобие самого себя – симулякр [См.: Аппиньянези, 2004. С. 54].

² Государством организованные негосударственные организации – ГОНГО (GONGO; от англ. *Government-Organized* (или *Operated*) *Non-Governmental Organization*).

менательно еще и тем, что профессионально готовит своих членов к уличным акциям как в теории [Евгеньева, 2005], так и (как показывает реальная деятельность организации) на практике.

Любопытно и другое. Если проанализировать любые акции «боевых акторов» гражданского общества, обнаружится то, что их насильственные практики (как физические, так и психологические), как правило, направлены на власть, на «могущественных мира сего» того или иного уровня и качества (см., например, направленность акций молодежного движения «Наши») [«Наши» подают в суд... 2010]. В исследованиях, посвященных анализу тюремной субкультуры, описываются символические агрессивные практики с «властным значением» и подчеркивается важность направления агрессии в закрытой группе [Кондратьев, 1997]. Если актер, не обладающий желаемым статусом, хочет повысить свой статус, объектом его агрессии должны становиться властные и могущественные фигуры. Следовательно, не только факт использования насильственных практик помогает идентифицировать новых акторов, действующих в постсоветском обществе «тюремной субкультуры» [Олейник, 2001], но и направление агрессии, в которой отражены их властные амбиции.

Кроме того, другие новые игроки – менее известные и, как правило, не активные – НКО – регистрируются исключительно под грантовые программы правительства. Исследователи из ГУ – ВШЭ, описывая активность ГОНГО в отношении пространства деятельности настоящих НКО, предлагают использовать термин «рейдерство», поясняя, что искусственные организации вытесняют реальные в борьбе за правительственные гранты, поглощая государственные средства без того, чтобы вести продуктивную деятельность в социальной сфере [Лонская, Александрова, Кобельницкая и др., 2010].

Ранее предприимчивые представители власти вели охоту за распределяемыми бюджетными средствами исключительно в сфере бизнеса. Так, создание государственными чиновниками коммерческих организаций (зарегистрированных, например, на родственников) для перераспределения средств госзаказа на внеконкурсной основе в пользу «своих» давно является притчей во языцех в российских СМИ. В научной литературе этот феномен маркируют как явление власти – собственности, характеризующее социум, в котором «происходит монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство основываются не на владении собственностью как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии» [Нуреев, Рунов, 2002. С. 12]. Посредством понятия «власть – собственность» исследователи описывают «закрытые общества», где властные отношения детерминируют любые другие общественные отношения (как в любой закрытой системе, по А. Бергсону) [Радина, 2009]. Обладание властью

в закрытом обществе позволяет контролировать «второй сектор экономики», а также активно захватывать и «третий сектор» – негосударственные некоммерческие организации. Возможно, специфика постсоветского гражданского общества заключается также в том, что это по-прежнему «закрытое общество» (модернизация в данном случае принципиально не изменяет социальные отношения), где власть не только постоянно пытается контролировать экономику, но также создает симулякр свободы – симулякр гражданского общества.

В защиту постсоветского гражданского общества, наверное, можно сослаться на первую гегельянскую версию, утверждая, что для России это «исторически оправданно», особенно если не замечать, что в российском случае фактор власти не просто детерминирует другие общественные отношения, но полностью их выхолащивает, превращая в видимость, симулякр, разрушая само понятие социальной целостности, априори предполагающее наличие ряда социальных компонентов. Социальные инженеры, мечтающие управлять не только поворотами рек, своим вниманием как бы подчеркивают роль гражданского общества в современных политических процессах [Власть... 2008]. Тем не менее полагаю, безопаснее для общества, когда реки не изменяют своему основному руслу, и процессы гражданской активности зависят от граждан, а не от политтехнологов, нанятых властью.

* * *

Создающиеся в настоящее время постсоветские ГОНГО, направленность и специфика их деятельности требуют специального исследовательского внимания, поскольку их активность способна существенно влиять и, возможно, изменять состояние российского общества. В контексте изучения ГОНГО важны и историческая логика их конструирования (от советских ГОНГО к постсоветским), и политический анализ необходимости их явления в пространстве гражданского общества (в логике создателей), и критерии их распознавания, различения от традиционных негосударственных организаций.

Список литературы

Аппиньянези Р. Знакомьтесь: постмодернизм / При участии З. Сардара и П. Карри. Рис. К. Гэррета. Пер. с англ. В. Правосудова. СПб.: Академический проект, 2004.

Багрецов Д. Добро, 2002 // <http://www.stihi.ru/2002/10/10-463>.

Власть, ГОНГО и независимые НПО в России // Демос. 2008. Январь // <http://www.demos-center.ru/projects/1234>.

Воронина О. Съезд всех съест // Гендерные исследования. 2008. № 18 // <http://www.gender.univer.kharkov.ua/gurnal/18/20.pdf>.

Гранты ждут достойных получателей // Известия. Ру. 2010. 31 авг. // <http://www.izvestia.ru/politic/article3145550/>.

Гуторов В. А. Современные концепции гражданского общества // Гражданское общество России: стратегия и тактика формирования // Материалы к научному симпозиуму // Под ред. проф. В. Г. Марахова. СПб.: Изд-во НИИХ СПбГУ. СПб., 2001 // Гражданский форум // <http://go.philosophy.spb.ru/bib/index.html>.

Евгеньева Т. В. Технологии социальных манипуляций и методы противодействия им: Конспект лекций. М.: Нац. ин-т; Высш. школа упр-я, 2005.

Евтушенко Е. Строфы века: Антология русской поэзии XX века. Минск; М.: Полифакт, 1995.

Закирова М. М. «Вот здесь видно все!»: самопрезентация городского общественного движения // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2. С. 217–240.

Кока Ю. Европейское гражданское общество: исторические корни и современные перспективы на Востоке и Западе // Неприкосновенный запас. 2003. № 2 (28) // <http://magazines.russ.ru/nz/2003/2>.

Кондратьев М. Ю. Подросток в замкнутом круге общения. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997.

Крашенинникова Ю. А. Роль НКО в управлении системой здравоохранения и перспективы развития пациентского движения в России // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 4. С. 519–534.

Лонская А., Александрова А., Кобельницкая Э. и др. Фальшивые активисты. Настоящих правозащитников все активнее теснят организации, подконтрольные властям // Новые известия. 2010. 24 февр. // <http://www.newizv.ru/news/2010-02-24/122247>.

Малахов В. С. Мультикультурализм и идеология «инакости» // Скромное обаяние расизма. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001 // <http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/7inak.htm>.

Мерсиянова И. В. Институты самоорганизации по месту жительства и качество жизни населения // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 4. С. 535–550.

Мухамедьярова Л. Нью-правозащитники сыграют в гонго (gongo) // Независимая газета. 2005. 20 июля // http://www.ng.ru/politics/2005-07-20/1_gongo.html.

Нападение на мэрию Химок. 2010. 28 июля // <http://www.lenta.ru/story/ximki/>.

«*Наши*» подают в суд на префекта Митволя // NEWSru.com. 2010. 16 сент. // http://auto.newsru.com/article/16sep2010/nawi_vs_mitvol.

«*Наши*» судят французов Савеловским судом // Коммерсант. 2010. № 71 (4 371). 22 апр. // <http://www.kommersant.ru/daily/?date=20100422>.

Нуреев Р. М., Рунов А. Б. Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти-собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. 2002. № 6. С. 10–31.

Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: Инфра-М, 2001.

Радина Н. К. «Закрытая группа» и «закрытое общество»: возможности применения социально-психологических концепций для политического анализа // Материалы конференции «Теория и практика российской политической психологии»: СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 308–311.

Радина Н. К. Межкультурные отношения в российском гражданском обществе: Монография. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2007.

Рихтер Дж. Управлениетет, иностранная помощь и российская НПО // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 4. С. 469–486.

Патрушев Н. Выступление в Государственной Думе ФС РФ 12 мая 2005 года // <http://www.intelros.org/lib/doklady/patrushev.htm>.

Салменниemi С. Теория гражданского общества и постсоциализм // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 4. С. 439–464.

Фальшивые правозащитники в России начали вытеснять реальных // NEWSru.com. Новости России. 2010. 24 февр. // <http://www.newsru.com/russia/24feb2010/gongo.html>.

Фрёлих К. Балансирование на грани: российские НГО по работе с инвалидами между иностранными спонсорами и внутренней политикой // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 2. С. 165–184.

Химкинский лес и неуловимые мстители. 2010. 29 авг. // <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/539234/>.

Чарный С. Активизация национал-радикалов в сентябре-декабре 2004 года и пути преодоления этноэкстремизма в РФ (Аналитический доклад Московского бюро по правам человека) // <http://www.antirasizm.ru/>.

Шрейдер Ю. А. Человеческая рефлексия и две системы этического сознания // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 32–41.

Якимец В. Социальное партнерство в России: исследования, механизмы, опыт. М.: Ин-т системного анализа РАН, 2000.

Christenson G. A. Wold Civil Society and International Rule of Law // Human Rights Quarterly. 1997. Vol. 19. № 4. P. 724–727.

Надежда Константиновна Радина
д-р полит. наук, канд. психол. наук,
профессор кафедры возрастной и педагогической психологии
Нижегородского государственного педагогического университета,
профессор кафедры социальной психологии Нижегородского института
менеджмента и бизнеса
электронная почта: gasv@yandex.ru
